

Свет звезды Киренского

Нет-нет да и объявят по ошибке в автобусе: «Следующая остановка – Керенского». Между тем глава Временного правительства России в 1917 году никакого отношения к наименованию улицы в Красноярске не имеет. Она названа именем человека, которому во время Великой Октябрьской революции было всего восемь лет!

В этом году Леониду Васильевичу Киренскому, именем которого в Красноярске названа не только улица, но и Институт физики в Академгородке, исполняется 100 лет со дня рождения. Судьба распорядилась так, что и год появления на свет, и год смерти оканчиваются на цифру 9 (умер академик в 1969 году).

– Имя Киренского для нашего города и края значит то же, что имя Ломоносова для России, – сказал при встрече научный руководитель Института фундаментальной биологии и биотехнологий СФУ, профессор кафедры физико-химической биологии академик РАН Иосиф Исаевич Гительзон. – Благодаря Леониду Васильевичу у нас есть Академия наук, представленная теперь мощным центром из пяти академических институтов, в каждом ведутся крупные, общемирового значения работы.

– Иосиф Исаевич, Вы учились у Леонида Васильевича и работали под его руководством. Говорят, он видел далеко наперёд и был очень демократичным. Какие ещё черты характера ему были свойственны?

– С Леонидом Васильевичем я познакомился, будучи студентом Красноярского государственного медицинского института, где он заведовал кафедрой физики, совмещая эту работу с основной – в Педагогическом институте. Я слушал его великолепные лекции по физике. Он был дружен с моим отцом, профессором мединститута. Помню, когда впервые Леонид Васильевич рассказал о своем намерении добиться открытия в Красноярске Института физики, я воспринял эту идею как прекрасную, но несбыточную мечту. Интеллектуальный потенциал большой науки в то время был сосредоточен в основном в Москве и в Ленинграде. Однако прошло не более трех лет, и свершилось – институт был открыт, причем за полгода до появления Сибирского отделения Академии наук. Леонид Васильевич использовал свой удивительный дар убеждать.

В науке нет столбовых дорог

К тому времени школа физиков-магнитологов

вспоминается один случай. В 1956 году, когда Лысенко ещё был в чести у Хрущева, открывался первый Институт физико-химической биологии в Москве (как видите, даже название учреждения в целях конспирации завуалировано). Молва гласит, что Энгельгардта, который был назначен директором этого института, власти предержавшие попросили Лысенко не обижать. Директор так и сделал: в день открытия над широкой лестницей первого этажа красовался лозунг: «Практика – столбовая дорога развития науки» и подпись – Т. Лысенко. Но этажом выше, над той же лестницей висела другая цитата: «В науке нет столбовых дорог» – К. Маркс. Такое было время...

Отклонение от «генеральной» линии

Вспоминается эпизод, который красноречиво говорит о человеческих качествах Леонида Васильевича. Первый рейс на исследовательском судне «Витязь», в котором я участвовал, начинался с захода в США, да не просто в США, а на Гавайские острова – самый символ американского благополучия и земного рая. Потом были легендарные Таити и Фиджи, а под конец – Япония. Тогда царил железное правило – первый выезд за границу советский человек должен был совершить в стопроцентно социалистическую страну, например, в Болгарию, и если он вел там себя примерно, скромно, то ему мог приоткрыться и капиталистический

«Ищите в человеке хорошее – оно есть в каждом»

Леониду Васильевичу было свойственно заботиться о людях, защищать слабых и обиженных. Иногда и с риском для своей репутации. Так, еще молодым доцентом, он приютил на кафедре в Пединституте крупного физика, профессора Цомакиона, высланного в 40-е годы из Одессы. Его вина была лишь в том, что родился греком. И на кафедре ученый значился всего лишь лаборантом, но последовал телефонный приказ – «убрать!». Леонид Васильевич не подчинился, сославшись на то, что нет письменного распоряжения. Подписать оное никто не захотел.

«Карфаген» открывал Киренский

Многие ли сегодня знают, что открытие в Красноярске первого классического университета – тоже заслуга Киренского? Теперь КГУ в братстве с еще тремя вузами вырос в Сибирский федеральный университет.

– Мне довелось участвовать в этом проекте, помогать Киренскому, – вспоминает Иосиф Исаевич. – Пожалуй, эта инициатива из всех начинаний моего Учителя проходила наиболее трудно. Леонид Васильевич сформулировал задачу основания университета одновременно с созданием Института физики. Но в столице затею встретили скептически.

«Ну, зачем Красноярску (подразумевалось: глухо закрытому провинциальному городу, известному только оборонными заводами да ссылкой) классический университет? Есть в Томске, в Иркутске, и довольно для Сибири». Самые «щедрые» умы на верхах говорили: «Если вам так уж хочется, откройте университетик для детей малочисленных народов Севера, где-нибудь в Эвенкии или на Таймыре». Но Киренский упрямо твердил своё, шаг за шагом перековывая противников, превращая их в союзников. Во всех своих выступлениях, особенно когда голос его приобрел

государственное звучание депутата Верховного Совета СССР, он говорил о необходимости открытия в Красноярске университета. И довод был тот же, что и теперь, когда говорят о развитии малонаселенной Сибири: «не числом, а умением», т.е. образованием нужно обустроить Сибирь. Как римский сенатор и полководец Катон-старший заканчивал каждую свою речь на любую тему словами: «А Карфаген должен быть разрушен», так и Леонид Васильевич в каждом своем выступлении повторял: «В Красноярске должен быть открыт университет». И нам, своим сотрудникам и ученикам, наказыв-

Киренского была уже достаточно известна, его лаборатория, работавшая в подвале старого корпуса Педагогического института на проспекте Мира, пользовалась признанием. В ответ на поданный в Академию проект Института физики Л.В. Киренский получил одобрение на открытие всего лишь одной лаборатории магнитных явлений. Приехавшая в Красноярск академическая комиссия не увидела оснований для открытия института и подтвердила предложение ограничиться лабораторией магнетизма. Однако далеко вперед смотрящий ученый не согласился с этим предложением. Молодой профессор Киренский уже в то время мыслил шире – он видел надобность и перспективу развития в Сибири, в Красноярске, фундаментальной академической науки и боролся за нее. Киренский написал обстоятельное письмо М.А. Лаврентьеву – академику-секретарю отделения физико-математических наук АН СССР, занятому подготовкой дсанга большой науки в Сибирь. Лаврентьев поддержал предложение Леонида Васильевича, а выводы комиссии отклонил (поговаривали даже, что согласно его распоряжению, горе-эксперты вынуждены были компенсировать командировочные расходы из своего кармана). Таким образом, решением Президиума Академии наук СССР от 12 октября 1956 года был открыт Институт физики, состоящий из трех лабораторий: магнитных явлений (д.ф.-м.н. Киренский), спектроскопии (д.ф.-м.н. Коршунов) и биофизики (к.-ф.м.н. Терсков). Правда, в отношении биофизики пришлось немного поволноваться... Когда решался вопрос об открытии института, крупный советский биолог, академик В.А. Энгельгардт спросил Киренского, а что это за биофизика у вас там? Леонид Васильевич вызвал нас с Иваном Александровичем Терсковым в Москву, мы рассказали академику о наших разработках, и с тех пор в Президиуме Академии имели полную поддержку.

– А что насторожило Энгельгардта?

– Дело в том, что это происходило в эпоху лысенковщины. Был такой малообразованный агроном, фанатично веривший в свои первобытные идеи и обещавший правительству, ЦК вырастить тройные, пятерные урожаи, а что касается академической генетики, то это, по мнению Лысенко – измышления империалистов. В частности, он считал (я сам слушал его выступление в МГУ), что живые тела нельзя изучать физическими методами, чем как раз и занимается биофизика. Таким образом, эта наука вместе с генетикой попадала в разряд противозаконных. Но, к счастью, в далеком Красноярске никто не мешал заниматься «ересью» (студентам я читал лекции о настоящей биологии), и меня горячо поддерживал Киренский. Академик В.А. Энгельгардт, как и большинство настоящих ученых-биологов в Советском Союзе, ясно видел одобрение лысенковского учения, но оно было одобрено самим Сталиным и все были вынуждены молчать под угрозой отлучения от науки и худших кар.

мир. И вот, в нарушение этого железного правила, я был отправлен сразу в самые «райские кущи» капитализма. Моя работа в экспедиции была важной, за ней стояли интересы морского флота, но правило было для всех одно. Вернувшись из рейса, я поделился своим удивлением с Леонидом Васильевичем. Только тогда он мне признался: «Я за Вас поручился, голову положил, что не убежите и никакой беды не навторите». В то время побег с корабля одного матроса или лаборанта, не говоря уж о научном сотруднике, грозил руководству серьезными карами по партийной и административной линии. Я был до глубины души тронут тем, что Леонид Васильевич сказал мне это не до, а после поездки.

– Киренский, получается, жил без оглядки и без беликовского «кабы чего не вышло...»

– Нет, «без оглядки» ни он, ни кто другой в то время жить не мог. Но Леонид Васильевич искренне и глубоко верил в свое дело... И мы отвечали ему взаимностью. Когда по делам в «Биосе» (замкнутая биологическая система) потребовалось мое участие, то по одной его радиограмме я покинул судно в Перу и вернулся в институт, оставив неосуществленной мечту каждого читавшего Ч. Дарвина биолога побывать на Галапагосских островах.

Леонид Васильевич Киренский был, как ледокол. Он прокладывал путь, а мы шли в фарватере и учились у него нелегкой науке управления наукой. Хотя сам он любил повторять: «Наукой нельзя управлять, можно лишь не мешать и чуть-чуть помогать в трудные моменты».

Особый случай – в Красноярске, равноудаленном от всех океанов, мною овладела страсть к изучению привлекательного и мало тогда исследованного явления биологической свечения океана. Я организовал группу, выросшую в лабораторию фотобиологии, были изготовлены приборы для погружения в океан. С точки зрения административной, новое направление отвлекло меня от основных дел в институте, как ни старался я компенсировать это переработкой. И у чиновников в Президиуме Сибирского отделения АН СССР моя инициатива вызвала раздражение – нельзя ли проводить исследования где-нибудь поближе, в местном озере. Можно, отвечал я, но боюсь, дороже будет стоить – очень много соли надо, чтобы засолить это озеро, а в пресной воде никто не светит. Много ли найдешь директоров, которые разрешили бы такое отклонение от генеральной линии института? Леонид Васильевич не только разрешил, но и активно поддержал меня в этом начинании. Теперь морская биологическая свечения – одно из направлений, которым наиболее известен Институт биофизики в мировой науке.

вал делать то же самое. Поэтом в стенах института проект университета получил название «Карфаген». До сих пор в памяти остался ликующий голос Леонида Васильевича, когда он звонил из Новосибирска: «Карфаген» будет открыт!»

Горностае следы на снегу...

– Киренский – это всё, что здесь есть, это весь Академгородок, – широко разводит руками И.И. Гительзон. – И он сам здесь, вы видели памятник? Это не просто памятник (на фото), а могила его – он действительно в силу исключительных заслуг перед городом и краем похоронен в Академгородке, напротив Института физики. Ежегодно в первых числах апреля после мемориальных научных чтений мы, сотрудники институтов СО РАН, выходим к высеченной из саянского камня стеле, под которой он покоится. Приезжают и горожане, и туристы. Особенно трогает, что бывают и свадебные кортежи. Вряд ли эти молодые люди знают в точности, чем слави Л.В. Киренский, но свой торжественный день они хотят отметить именно здесь.

Памятник на могиле Киренского знавшие его скульпторы Николай Силис и Владимир Лемпарт выполнили в форме, напоминающей знаменитую скалу «Перья» – как символ трудно достигаемых вершин, которые Леонид Васильевич штурмовал всю свою жизнь. Академик любил действительно во всех её проявлениях: ценил природу, красоту, азартно сражался в волейбол, был спортивным болельщиком, увлеченно играл на мандолине, обладал тонким чувством юмора. Киренский глубоко чувствовал поэзию, сам писал стихи. Одним из любимых его поэтов был сибиряк Н. Драверт. Сохранилась аудиозапись: в новогоднюю ночь Леонид Васильевич трогательно, чуть хрипловатым от волнения голосом читает стихотворение Драверта: «От моей юрты до твоей юрты горностае следы на снегу...».

– Таких людей не бывает много, но то, что они есть, дает надежду, что человечество движется к добру, вопреки жестокости и неразумию современного мира, – сказал на прощание академик Гительзон. – Когда гаснет звезда, свет ее еще долго доходит до нас ...

Вера КИРИЧЕНКО

Родина Л.В. Киренского – слобода Амга, что в двухстах километрах от Якутска. Отец – Василий Васильевич Киренский из казацкого рода, пришедшего в Якутию еще в 17 веке. Фамилию получил, по-видимому, от близлежащего городка Киренска. Дед был женат на местной якутской девушке. Надо сказать, что такие браки были в обычае у казаков и государственных служащих, отправлявшихся на долгие годы службы молодыми и неженатыми обустроить окраины. Биологам и врачам хорошо известно, что потомки смешанных браков, в силу хорошо известного явления гетерозиса, часто обладают выдающимися способностями.